

²⁷ Витов М. В. Указ. раб. С. 94.

²⁸ Дмитриева С. И. Указ. раб. табл. «Места записей былин».

²⁹ Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968. С. 41, 600. (Лит. наследство. Т. 79)

© 1990 г.

С. И. Дмитриева

**ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ
О ГЕОГРАФИЧЕСКОМ РАСПРОСТРАНЕНИИ
РУССКИХ БЫЛИН**

(Ответ М. И. Васильеву)

В нескольких словах об основных положениях моей работы «Географическое распространение русских былин». Несмотря на обилие литературы по былинам, пожалуй, ни в одном виде русского поэтического творчества не существует столько спорных проблем, как в вопросе о географическом распространении русского эпоса. Специально этому вопросу была посвящена статья В. Ф. Миллера¹. Отдавая должное этой работе, все же нужно рассматривать ее основную мысль лишь как превосходную гипотезу: и материал, и метод, которыми мог пользоваться этот исследователь, определили недостаточную доказательность высказанных им положений. Ко времени написания В. Ф. Миллером его статьи, важнейшие сборники былин (А. В. Маркова, А. Д. Григорьева, Н. Е. Ончукова) еще не были опубликованы. Гипотеза же В. Ф. Миллера не была поддержана и развита в соответствии с новыми данными. Большинство фольклористов, в той или иной степени касавшихся интересующего нас предмета, ограничивались самыми общими указаниями на места записей былин и на причины консервации там эпической традиции. Между тем причины и ход распространения былин и позднейшая консервация традиции в определенных местностях — вопросы, хоть и связанные между собой, но все же разные. Общим местом многих работ, посвященных русскому эпосу, стало утверждение, что былины занесены в районы Русского Севера новгородской и московской колонизациями. Однако это мало что объясняет, так как никакой иной русской колонизации на Севере не было, а возникнуть в среде дославянского населения былины с их красочными описаниями киевской и новгородской жизни, само собой разумеется, не могли.

Что касается причин, способствовавших консервации былин на Севере, то обычно принималось объяснение А. Ф. Гильфердинга, писавшего: «Этих причин две, и необходимо их совместное действие. Эти причины — свобода и глушь». Последующими собирателями (А. В. Марков, А. Д. Григорьев, Н. К. Ончуков) высказывались соображения о роли транзитной дороги на Архангельск, по которой в допетровское время шла торговля с иностранцами, о роли промыслового хозяйства, для которого характерны длительные периоды вынужденного бездействия и т. д. Все эти обстоятельства, безусловно, способствовали сохранению эпической традиции в известных районах, но они, как будет показано ниже, не могут объяснить распространения там былин.

Единственно надежным методом при изучении географического распространения былин, как и любого явления народной культуры, может быть картографирование. Этот метод и был положен в основу книги «Географическое распространение русских былин». Хронологически работа ограничена второй половиной XIX — началом XX в., т. е. берется период, известный как «классический» в истории собирания былин. Использовались все сборники былин, относящиеся к этому периоду, что дает возможность говорить об единовременности

эпических традиций сравниваемых районов. Ограничиться этим периодом позволяет и то обстоятельство, что собирательская работа последующего времени предпринималась в основном по маршрутам прежних собирателей и не выявила таких очагов былинной традиции, которые бы существенно меняли картину распространения эпоса².

На основе определенным образом отобранного и систематизированного материала были составлены таблицы и карты, показывающие распространение отдельных сюжетов и видов былин. Картографирование показало, что в рассматриваемый период на огромном пространстве европейской России эпос сохранился главным образом в Архангельской и Олонецкой губерниях, во всех остальных он найден в сравнительно скудных остатках. Если в Архангельской и Олонецкой губерниях число записей былин достигает 676, то во всех остальных оно не превышает 105 номеров, включая 43 казачьи песни на былинные сюжеты, которые лишь условно можно назвать былинами. Напомню, что плотность населения в Архангельской и Олонецкой губерниях намного ниже, чем во многих других.

Показательны различия и в качестве былинных текстов. Если в большинстве губерний былины найдены в скомканном, сокращенном виде, зачастую в отрывках, то в северных областях — это превосходные художественные тексты, многие из которых содержат до 1 тыс. стихов. Именно в северных губерниях собиратели в конце XIX в. обнаружили живую, творческую традицию и услышали первоклассных мастеров былинного сказительства. В ряде мест этих губерний (южная часть Заонежья, Пудожский край, Кенозеро, Мезень, Зимний берег, Печора) былины широко бытовали. Сказители здесь настолько владели техникой сказительства, что могли переложить в былинную любую песню и даже сказку. А. Ф. Гильфердинг, характеризуя эпическую традицию Выгозера, Кенозера и Водлозера, отмечал, что «эпическая традиция и теперь там бьет ключом». О Кенозере он писал, что «воздух, так сказать, пропитан духом эпической поэзии»³.

Ничего подобного мы не видим в других губерниях. Скудные, случайные записи былин, произведенные там, говорят об отсутствии былинной традиции, во всяком случае в рассматриваемый период. И как бы исследователи ни оценивали находки остатков былин в этих областях России — как результат прежнего повсеместного распространения их в пределах расселения русского народа или как результат позднего и случайного проникновения, ясно, что подавляющее большинство записей и наилучшая сохранность текстов зафиксированы на европейском Севере.

Это дает основание изучить более детально распространение былин в этой области. При рассмотрении карт прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что область распространения былин образует четкий ареал. Она вытянута с юго-запада на северо-восток, от Свири до Печоры. Однако это не весь Русский Север, как неоднократно утверждалось, а лишь северо-западная его часть (если не считать северного побережья и центральных районов Кольского полуострова). Вне этого ареала остается около половины северной России: земли по течению Северной Двины, за исключением низовья, почти все течение Ваги и ее притоков, течение Сухоны, Юга, Вычегды, Вятки и Камы, Верхняя и Средняя Печора. Отчетливый ареал уже сам по себе свидетельствует против мнения о случайности былинных находок. Известно, что поиски былин после открытий Рыбникова и Гильфердинга велись почти повсеместно, но найдены они были только в пределах описанного выше ареала, хотя другие жанры устного народного творчества — песни, сказки, местные предания и пр. — многократно записывались и вне этой территории.

Установленный былинный ареал позволяет критически рассмотреть объяснения, которые выдвигались разными исследователями в качестве причин сохранения эпоса на Севере России. Обычно принимались объяснения А. Ф. Гильфердинга, придававшего большое значение удаленности Севера от культурных центров, способствовавшей консервации древних элементов культуры, независимое положение северного крестьянства, не знавшего крепостного права. Все собиратели, начиная с П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, говорили о боль-

шой роли промыслового хозяйства, для которого характерны периоды вынужденного бездействия. Однако у ряда исследователей эти объяснения или часть их вызвали возражение. А. М. Лобода считал, что нельзя придавать особого значения отсутствию крепостного права, отмечая, что на Дону была еще большая свобода, чем на Севере, однако эпос в такой степени там не сохранился. Возражая В. Ф. Миллеру, выделявшему особо поэтическую одаренность олончан, Лобода указал, что она не является специфической чертой только северян⁴. В. Ф. Миллер, считая, что нельзя придавать большого значения промыслам, заметил, что крестьяне других русских областей часто сопровождают однообразную и скучную работу заунывными протяжными песнями и эти песни могли быть и эпическими⁵. Позднейшие исследования А. Н. Нечаева⁶ и А. М. Астаховой⁷ показали, что нельзя поддерживать мнение Гильфердинга о том, что безграмотность северных крестьян способствовала сохранению интереса к былинам. Северные губернии в отношении грамотности стояли выше ряда других русских губерний. Нельзя считать правильным и мнение об отграниченности северных областей от культурных центров. Север вплоть до XVIII в. не был захолустным краем, через него проходили торговые и другие пути, связывавшие Россию со странами Западной Европы⁸. К тому же на Севере, особенно в Заонежье, известно немало выдающихся сказителей, связанных с такими крупными культурными центрами, как Петербург и Петрозаводск. Кроме того, накопленный материал по фольклору, народному искусству и материальной культуре показал, что вряд ли можно считать правильным само представление о том, что глушь и оторванность от культурных центров способствуют сохранению традиционной культуры. Вся история народного искусства, в том числе и фольклора, убеждает, что постоянное включение и освоение традиционными видами искусства новых сюжетов и образов является необходимым условием развития и, следовательно, сохранения этого искусства.

Исходя из очерченного с помощью картографирования былинного ареала, правильнее искать различия в распространении былинной традиции не только и не столько между северными и остальными районами России, сколько между районами Русского Севера. Можно с уверенностью сказать, что условия, способствовавшие, по мнению большинства исследователей, сохранению былин, действовали в Вологодской и Пермской губерниях, в которых не было обнаружено былинной традиции в той же мере и в том же комплексе, что и в районах Архангельской и Олонецкой губерний, богатых эпосом. И даже крепостного права, убившего, по мнению ряда исследователей, былинную традицию в центральных и южнорусских областях, не было здесь, как и в областях, богатых эпосом.

Неравномерность распространения былин на Русском Севере связана, по нашим данным, с историей заселения края. Как установлено историческими, этнографическими и лингвистическими исследованиями, значительно продвинувшимися со времен написания статьи В. Ф. Миллера, эта область была заселена русскими довольно поздно (главным образом в XII—XVII вв.), причем северо-западная часть ее подверглась новгородской, а юго-восточная — низовской (так называли ростово-суздальскую, позже московскую колонизации Севера) колонизациям. Сопоставление былинного ареала с показаниями древних письменных источников, данными лингвистического анализа, антропологических и этнографических исследований позволяет связывать распространение былин только с продвижением на Север новгородцев. Там, где преобладали переселенцы из Ростово-Суздальской и Московской земель, былин нет. Это позволяет сделать важный вывод, что к XIV—XV вв. (время усиленной крестьянской колонизации) в Ростово-Суздальской земле былинная традиция уже не существовала.

Данный вывод, а также тот факт, что былины в XIX в. не были обнаружены на большей части территории, заселенной русскими, в Белоруссии и на Украине, позволяет предположить, что к XIV—XV вв. былины сохранились на Руси только в Новгородской земле. В пользу такого предположения говорит анализ традиционного фольклора, и в первую очередь исторических песен и дум. Все это,

в сочетании с тем фактом, что состав былинного эпоса восходит в целом к одному источнику, позволяет предположить, что известная нам былинная традиция является новгородской интерпретацией русского эпоса. Другими словами, дошедшие до нас былины являлись в прошлом достоянием Новгородской земли, откуда они позднее распространились с переселенческим потоком.

Конечно, трудно представить, что песни о богатырях не звучали некогда в Киеве и в других политических центрах Киевского государства. Слишком много (и с этим согласны большинство исследователей) в былинах исторических реалий, относящихся к эпохе Киевской Руси. Причины того, что эпос дольше сохранялся в Новгородской земле, по-видимому, следует искать в специфических условиях общественной жизни Новгорода Великого, способствовавших проникновению эпоса в крестьянскую среду. Именно крестьянство, как свидетельствует этнографический материал, было тем социальным слоем, который сохранял древнейшие культурные традиции, зачастую первоначально восходящие к культуре городских слоев населения. В этой связи можно указать на особый класс крестьян-собственников, известных в Новгороде под названием земцев или своеземцев (горожане, приобретшие земли в уезде), который не встречался в других землях княжеской Руси. Ряд источников свидетельствует, что своеземцы принимали участие в освоении северных владений Новгорода. Можно предположить определенную роль своеземцев, занимавших промежуточное положение между городским и сельским населением Новгородской земли в перенесении былинного эпоса в крестьянскую среду. Этому мог способствовать свойственный Новгороду демократический характер жизни, вечевого строй, открывавший широкий доступ к политической и общественной жизни республики трудовому населению, благодаря чему новгородская культура проникалась чертами подлинной народности в большей мере, чем другие области Руси⁹.

Изучение географического распространения эпоса помогает разрешению спорных вопросов, связанных с изучением истории заселения Русского Севера. Этнографические и антропологические исследования, о которых говорилось выше, показали существование на Севере двух культурных зон: западной (Заонежье и Поморье) и восточной (бассейн верховий Северной Двины с притоками), связанных с разными потоками русских переселенцев XII—XVII вв. — новгородским и ростовским¹⁰. Наличие былинной традиции только в одной этнокультурной зоне (западной) подтверждает эти выводы.

Перейду к замечаниям М. И. Васильева. Первое его возражение связано с вопросом: «Почему былины не сохранились в самой Новгородской губернии, колыбели новгородских славян?» (с. 5). Во-первых, не совсем верно говорить, что былины в Новгородской губернии не сохранились; речь может идти о том, что там их сравнительно мало. Б. М. и Ю. М. Соколовы, предпринимая поездку в Белозерский край, входивший в Новгородскую губернию, предполагали найти там былинную традицию на том основании, что край этот был первоначально колонизован новгородцами. И надежда их, как известно, оправдалась; они обнаружили там остатки хотя и слабой, но былинной традиции. Во-вторых, уже давно исследователями подмечено, что эпос (и это касается не только русского эпоса) сохранялся колонистами на новых местах обитания, исчезая в метрополиях. И потому Олонецкую губернию, где впервые были обнаружены русские былины, с легкой руки первых собирателей и исследователей былин, часто называли «Исландией русского эпоса»¹¹. Подобная закономерность не случайна, и мы попытаемся дать ей некоторое объяснение в конце статьи. Тот факт, что былинная традиция в Новгородской области сохранилась лишь в слабой степени, привлекал внимание и исследователей прошлого века. Объясняя это обстоятельство, В. Ф. Миллер обратил внимание на тот исторический факт, что после покорения Новгорода Иваном III этнический состав Новгорода сильно изменился. Царь, чтобы предупредить возможность восстания, «выводил» (переселял) новгородцев тысячами по низовым городам, а на их место присылал жителей из городов Московского княжества. Подобные «выводы» повторялись неоднократно. Об этом писал Д. И. Иловайский: «От таких перемещений изменился самый состав новгородского землевладельческого и торгового классов... Многочисленные московские колонисты в Новгороде и его областях принесли

сюда свои понятия и обычаи; они способствовали здесь забвению старых новгородских порядков, служили важной опорой для водворения московского самодержавия и помогли постепенному внутреннему объединению Новгородской земли с Московской»¹².

Массовым было и бегство новгородцев от репрессий Ивана Грозного. Они уходили на северо-восток Европы и в Сибирь. Это событие сохранялось в памяти их потомков до XX в. О том, что в районе Новгорода потомки древних новгородцев давно уже отсутствуют, писал один из краеведов XIX в.: «В г. Новгороде, кроме фамилий Дербушевых, никого не осталось из коренных жителей, кто бы мог вести свой род последовательно хотя бы от времени падения Новгорода. Наплыв суздальцев, рязанцев, муромы, шведов, литвы и даже ливонцев в Новгородскую область был очень велик...»¹³. Это свидетельство использовал Д. К. Зеленин в своих разысканиях, касавшихся происхождения северновеликоруссов Великого Новгорода¹⁴. Подобные доводы получили подтверждение в недавно вышедшем диалектологическом исследовании, результаты которого позволили автору прийти к заключению, что древнее новгородское население покинуло свои места в XV в., передвинувшись на северо-восток, а на новгородскую территорию пришло население из Ростово-Суздальской земли¹⁵.

Второе замечание связано с тем, что В. И. Васильеву представляется неубедительным неполное совпадение былинного ареала с ареалами, выявленными в результате картографирования лингвистических, антропологических и этнографических данных. Могу повторить вслед за М. В. Витовым то, что уже говорилось ранее: «... полное совпадение былинного ареала с ареалами антропологических и жилищных типов, а также с показаниями письменных источников, невозможно. Помимо того, что эти явления разнородны по своему происхождению и развиваются по своим внутренним законам, их фиксация происходила в разное время. Устав Святослава отражает обстановку начала IX в., былинная традиция на Севере была обнаружена в конце XIX — начале XX в., а антропологические обследования проводились в 50-е годы нашего столетия»¹⁶. Представляется очевидным, что влияние внешних факторов, и в первую очередь природных, на рассматриваемые явления было различным. Общность ландшафта, например, сильнее сказывалась в интеграции элементов севернорусского жилища и вообще в сфере материальной культуры по сравнению со сферой духовной культуры.

Другое замечание В. И. Васильева касается судеб эпической традиции в низовьях Северной Двины, подвергшейся новгородской колонизации, как об этом говорилось в моей книге со ссылкой на соответствующие исследования. В. И. Васильеву кажется неубедительным объяснение слабости былинной традиции здесь в период ее фиксации в конце XIX в. процессами капитализации, в сильной степени затронувшей население этого региона. Однако в книге указывается на комплекс причин, обусловивших интересующую нас ситуацию на Нижней Двине, где располагалась в древности известная по историческим документам «Двинская земля». Не меньшую роль могло сыграть и то обстоятельство, что «Двинская земля» издавна находилась на оживленном торговом пути, связывавшем ее не столько с новгородским рынком, сколько с рынками Ростово-Суздальской земли, а затем и Московской Руси. Со времени oprичнины она вошла в состав oprичных земель и была оплотом московского государя в Поморье¹⁷. Немалую роль должно было сыграть и отмечаемое писцовыми книгами и другими историческими источниками запустение сельских поселений в Двинском уезде со второй половины XVI в. Население уходило оттуда на побережье Белого моря, Пинегу, Кулой, Мезень, Печору, а также в сибирские города¹⁸. Районы, в которые уходило население с Нижней Двины, относятся к числу наиболее богатых эпосом, в чем можно видеть косвенное доказательство существования сильной былинной традиции в нижнедвинских районах до ухода оттуда населения. О том, что на Нижней Двине располагались древнейшие поселения новгородцев, свидетельствуют письменные документы, в числе которых Устав Святослава и Двинские грамоты¹⁹.

Не совсем четко выражена мысль, вернее, возражение В. И. Васильева относительно сибирских былин. По всей вероятности, он хочет сказать, что сибирскую былинную традицию нельзя возводить к новгородской, так как Сибирь осваивалась не только потомками новгородцев. Однако я этого прямо и не утверждала. Карта, показывающая распространение былин в Сибири, рассматривается мною в разделе, посвященном хронологии былинного эпоса, для иллюстрации мысли о раннем исчезновении былинной традиции в несевверных русских областях, а также на Украине и в Белоруссии. Составленная мною карта былинных очагов в Сибири в конце XIX — начале XX в. показывает, что они расположены на путях первых переселенцев в Сибирь²⁰. А первые поселенцы, из которых сформировалось так называемое старожильческое население Сибири, были выходцами из областей Русского, а значит, в какой-то мере и Новгородского Севера. Предположить, что в конечном счете сибирская былинная традиция восходит к новгородской, позволяет и тот факт, что на европейском Севере былинные очаги обнаружены главным образом в районах новгородского влияния. Об этом же говорит сравнительное изучение сюжетного состава былинных традиций Русского Севера и Сибири. В. Ф. Миллер, сравнивая западносибирский былинный репертуар с олонецким, пришел к выводу о совпадении подавляющего большинства сюжетов²¹. О родстве сибирской эпической традиции с севернорусской писали и последующие исследователи²². С сибирской былинной традицией связывают былины из сборника Кирши Данилова²³. Что касается былин, записанных в Приуралье, отчасти в Поволжье и на Дону, то, как заметили многие исследователи, это остатки слабых эпических традиций, занесенных в эти районы переселенцами из северных губерний. Б. М. Соколов, исследовавший былины в Саратовской губернии, сделал вывод, что они проникли в этот край по Волге через северных русских²⁴. Сравнительное изучение сюжетного состава и жанровых особенностей эпических произведений из разных районов показало, что все известные нам былины восходят к одному источнику²⁵ и, следовательно, как и северные былины, могут быть связаны с новгородскими переселенцами.

Перехожу к главному возражению М. И. Васильева, считающего, что в формировании былинного ареала решающую роль сыграло промысловое направление хозяйства в тех районах, где были зафиксированы очаги былинной традиции; земледелие, в отличие от промыслов, по его мнению, не способствовало сохранению эпической поэзии.

Многие собиратели, говоря об условиях, способствовавших сохранению эпоса, не раз указывали на большую роль в этом отношении промыслов (рыболовных, зверобойных, лесных и т. п.). При работе на промыслах часто выдавались дни вынужденного досуга, а артельные формы труда обеспечивали необходимую для сказителя аудиторию и возможность обмена творческим опытом. А. В. Марков, А. Д. Григорьев, Н. Е. Ончуков не раз отмечали, что крестьяне охотнее всего поют былины в осенние вечера на промыслах рыбы или морского зверя, когда из-за наступления темноты им приходится прекратить работу и долгий досуг нечем заполнить. Однако, как уже говорилось, крестьяне других русских областей часто сопровождают однообразную и скучную работу заунывными, протяжными песнями, и эти песни могли быть и эпическими²⁶. Кроме того, чем объяснить живучесть былинной традиции в Онежском крае? Известно, что в Заонежье земледелие по крайней мере уже с XV в. занимало основное место в хозяйстве крестьян, а промыслы были развиты намного слабей²⁷. М. И. Васильева не устраивает моя ссылка на работу М. В. Витова «Историко-этнографические очерки Заонежья» относительно земледелия в Заонежье. Однако, ссылаясь на работу М. В. Витова, я имела в виду то место (с. 95), где он говорит о густой населенности некоторых заонежских погостов из-за развития там земледелия, чему способствовали особенности почвы этого района. Да и показатели таблицы, приводимой М. И. Васильевым, не противоречат этой мысли, а, напротив, подтверждают ее. Из таблицы видно, что Заонежье занимает одно из первых мест по количеству распаханых земель на душу населения (с. 18). Что касается былинной традиции Карельского берега, то, говоря о ее слабости сравнительно с заонежской, я имела в виду, что по числу героических былин

Занятия и ремесла сказителей былин Заонежья

Занятие и ремесло	Число сказителей (всего 72 чел.)
Портняжное	7
Рыболовное	5
Изготовление и починка сетей	4
Отхожие заработки	6
Каменотесное	3
Коновальное	2
Изготовление гребней	1
Столярное	1
Целовальное	1
Торговля	1
Знахарство	2
Перевоз	1
Нищенство	1
Земледелие	13
Совмещенные профессии:	
земледелие и рыболовство	3
то же и портняжное ремесло	2
» и сапожное »	2
» и столярное »	2
Без указания занятий	15

(а именно они определяют «лицо» эпической традиции того или иного района) традиция Карельского берега значительно уступает традиции Заонежья.

Возвращаясь к существу проблемы о роли промыслов в судьбах былинной традиции, скажу, что мысль М. И. Васильева об их преимущественном влиянии была бы более доказанной, если бы он привел таблицу, свидетельствующую о степени развитости промыслового хозяйства, так как известно, что земледельческая направленность хозяйства не только не исключала, а и способствовала развитию промыслов и ремесел в силу сезонного характера земледельческих работ, почти полностью освобождавшего крестьянина в зимнее время. Известно, что занятие земледелием успешно сочеталось с промысловой деятельностью во многих русских районах, как, например, в большинстве поволжских и среднерусских областей. Особенно показательна в этом отношении Владимиро-Суздальская земля, где издавна были сильны как земледельческое (в районах ополья), так и промысловое направления хозяйства. Достаточно вспомнить знаменитые на всю Россию иконописные центры Палех, Мстеру и Холуй и возникший в связи с ними промысел офеней. Промыслы играли немалую роль в Олонецкой губернии; некоторые из них (иконописные, деревообрабатывающие) оказывали заметное влияние на соседние, да и не только на соседние районы²⁸.

Не знаю, насколько правомерно сопоставлять количество распаханной земли, приходящихся на душу населения, с числом былин, приходящихся на уезд, как это делает М. И. Васильев, хотя, конечно, исчислять число былин на душу населения нелепо. Надежнее, на наш взгляд, обратиться к биографиям самих сказителей. Для этой цели мы выбрали собрание А. Ф. Гильфердинга «Онежские былины»²⁹. Во-первых, потому, что оно самое полное из всех подобных собраний — в трех его томах содержится 1950 страниц текстов былин. Во-вторых, А. Ф. Гильфердинг принадлежал к числу собирателей, стремившихся дать как можно более полные сведения о сказителях, от которых он записывал былины, в том числе и об их профессиональной занятости. В-третьих, районы Заонежья, где работал собиратель, интересны в том отношении, что для них, как уже говорилось, характерен смешанный характер ведения хозяйства — земледельческий и промысловый.

Из табл. 1 видно, что среди сказителей число лиц, занимавшихся неземледельческой деятельностью, довольно велико. Однако это не зверобойные или какие-либо другие морские промыслы, о которых пишет М. И. Васильев, а обыч-

Данные о выдающихся сказителях

Фамилия, имя, отчество	Род занятий	Число записанных от сказителей былин
Калинин Петр Кузмич	Портной	18
Прохоров Никифор	Земледелие; в молодости работал пастухом, тогда и выучил былины от старика	10
Фепонов Иван	Плетение сетей, кошелей, подаяние	8
Рябинин Трофим Григорьевич	С детства жил починкой сетей, ловушек, ходил по деревням	18
Иевлев Терентий	Выучил былины в детстве, когда с дедом ходил по деревням; занимался починкой сетей	6
Сарафанов Андрей Васильевич	Профессия не уточнена	8
Щеголенок Василий Петрович	Земледелец и сапожный мастер; выучил былины у дяди-сапожника	13
Чуков Абрам Евтихий	В молодости выучился портняжному мастерству и до сих пор шьет осенью и зимой, странствуя по деревням; за работою поет свои старины	8
Касьянов Иван Аникиевич	Выучил былины в молодости от стариков, с которыми ездил на рыбную ловлю	7
Никитин Федор	В молодости занимался портняжным мастерством и в это время выучил много былин	8
Захаров Федор	Земледелец, выучил былины от заезжих людей	17
Захаров Иван Григорьевич	Человек «волоakitный», т. е. разъезжающий много для покупок в деревнях и продажи рогов, дичи и скота. Во время поездок выучился множеству былин	11
Сивцев Иван Павлович	Былины выучил в молодости, когда вместе с отцом занимался портняжным делом; узнал былины от слепых петарей	7
Воинов Петр Андреевич	Земледелец; в молодости жил в работниках, в том числе у П. С. Сивцева, от которого и перенял былины. Другие выучил у старика Захара Андреева, занимавшегося плетением сетей. Долго служил в ополчении в Петербурге	6
Тряпицын Михайло Иванович	Крестьянин; былины выучил у отца	6
Лядков Иван	Былины выучил у отца-крестьянина, торговца. Работал целовальником в Каргополе	11
Швецов Николай Михайлович	Выучил былины у деда, помогая ему в рыбной ловле. Дед всегда пел во время рыбной ловли. Швецов совмещает земледелие с торговлей рыбой зимой. Рыбу доставлял с Белого моря в Вельск, Верховажье и Вологду	9

ные, домашние. В биографиях былинщиков наиболее часто упоминаются портняжное, сапожное дело, а также изготовление и починка сетей. Показательны в этом отношении сведения, относящиеся к выдающимся сказителям, среди которых велико число занятых упомянутыми ремеслами (табл. 2). Сведения о таких сказителях особенно важны для нас, так как творчество больших сказителей («старинщиков») определяло судьбу и особенности эпической традиции того или иного района. Биографии подобных сказителей убеждают лишь раз, что сохранению былин способствовали не столько специфические поморские промыслы, сколько обычные домашние ремесла, свойственные многим, а не только северным русским районам. Уместно в этой связи вспомнить высказывания самого А. Ф. Гильфердинга: «Распрашивая этих крестьян про обстоятельства их жизни, я мог вывести заключение, что сохранению былин особенно благоприятствовали некоторые мастерства. Так, когда читатель будет просматривать сведения о сказителях, со слов которых мною записаны былины, он заметит, что многие из них, и именно те, которые больше других упомянули, либо сами занимаются портняжным, или сапожным ремеслом, или изготовлением рыболовных снастей, либо заимствовали былины от лиц, занимавшихся этими мастерствами. Сами крестьяне не раз объясняли мне, что, сидя долгие часы на месте за однообразною работою шитья или плетения сетей, приходит

Данные о сказителях и условиях исполнения былин

Фамилия, имя, отчество	Условие исполнения былин
Калинин Петр Кононова Домна Корсаков Федор Попова Настасья Сорокин Андрей	Пел во время портняжных работ Пела, баюкая внучат Пел во время портняжных работ, странствуя по деревням Пела с Абрамом Евтихиевым Выучил былины, когда в молодости подолгу бывал на мельнице, где собиралось много крестьян из окрестных деревень
Рябинин Трофим	Пел, когда ходил по окрестным деревням чинить сети, ловушки и другие рыболовные снасти; ему случалось работать подолгу вместе с Ильей Елустафьевым, который знал много былин и певал их за работой, и Рябинин много от него «понял»
Романов Кузьма Иевлев Терентий	Слепец, считает пение былин чем-то вроде профессии Выучил былины у деда, Ильи Елустафьева, который сопровождал пением былин работу по изготовлению рыболовных снастей
Щеголенок Василий	Пением былин, подобно отцу и дяде, от которых выучил былины, сопровождал свою работу сапожного мастера
Чуков Абрам	Ежегодно проводил осень и зиму, странствуя по деревням, чтобы шить крестьянам платье. За работою он обыкновенно распевал былины
Касьянов Иван	Научился петь былины в молодости от стариков, с которыми ездил на рыбную ловлю
Макарова Прасковья и Пастухова Прасковья Никитин Федор	Поют былины на посиделках, как и духовные стихи
Захаров Иван	В молодости занимаясь портняжным мастерством, преимущественно в поморье, в Кемском уезде, выучился петь былины Был человек «волокитный», т. е. разъезжавший много для покупки в деревнях и перепродажи рыбы и скота. Во время этих поездок он выучил многие былины
Попов Савелий Суханов Василий Поромской Иван	Выучил петь былины на лесных гонках, где бывал в работниках Былины распевал за столярной работой Мальчиком сопровождал своего отца, помогая ему в портняжных работах. Былины «понял» от отца, а также от двух слепых «петарей», которых он слышал на Плесском погосте
Георгиевская Авдотья	Выучила былины от крестьянина-швеца, который по зимам жилал на портняжных работах в доме ее отца
Швецов Николай	Былины выучил у деда, славившегося как знаток былин; занимаюсь преимущественно рыболовством на р. Моше, он брал с собой внука, который тут и насышался от него былин, потому что дед во время рыбной ловли почти всегда напевал былины

охота петь „старины“, и они тогда легко усваиваются; напротив того, „крестьянство“ (т. е. земледелие) и другие тяжелые работы не только не оставляют к тому времени, но заглушают в памяти даже то, что прежде помнилось и певалось. Впрочем, читатель должен иметь в виду, что мастерства, о которых я говорю, отнюдь не составляют исключительного занятия кого-либо из певцов былин; каждый из них в то же время земледелец и летом работает по своему крестьянскому хозяйству. Разница только та, что иные в свободное зимнее время занимаются мастерством, благоприятствующим сохранению эпических песен, тогда как занятия других, например звериный промысел, лесные работы, извозничество и т. п., не оставляют досуга для рапсодий»³⁰. Важно подчеркнуть, что, по мнению А. Ф. Гильфердинга, зверобойный (звериный) промысел, которому придает особое значение М. И. Васильев, не только не способствует усвоению былин, а, напротив, не благоприятствует этому.

Биографии сказителей свидетельствуют, что М. И. Васильев не совсем прав, когда говорит, будто для поддержания эпической традиции необходимым условием является наличие крупного коллектива слушателей (с. 14). Сведения о сказителях убеждают (см. табл. 3), что исполнение былин нередко не требовало никакой аудитории.

Задаваясь вопросом, почему занятие определенными промыслами побуждает крестьян петь эпические песни, я обратила внимание, что это, как правило, ремесла, вынуждающие крестьян покинуть родные края. Биографии сказителей

полны свидетельств о том, что былины они переняли в молодости от отца или деда в странствиях по деревням, которые они совершали, занимаясь упомянутыми выше ремеслами. Помогая в работе, будущий сказитель учился не только ремеслу, но и былинам, которые напевал, работая, его старший родич. Рассматривая табл. 3, посвященную этому вопросу, видим также и частые свидетельства, что былины тот или иной сказитель «перенял» от сторонних, или «странных», людей, т. е. чужих, странствующих людей. Отсюда можно заключить, что к исполнению былин, по всей вероятности, побуждала разлука с родным домом.

Разлука, по народным представлениям, особенно если судить по фольклору, имела особое значение и нередко уподоблялась смерти («разлука та же смерть»). Поэтому, как над покойником, причитали над невестой, когда она прощалась с родным домом, и над рекрутом, отправлявшимся на военную службу. Можно предположить, что эпические, как и другие традиционные, песни имели магическое значение; их исполнение связывало крестьян с отчим домом, с родной землей. Ту же роль, как известно, играла и горстка земли, зашиваемая в ладанку рекрутом или другим человеком, вынужденным покинуть родные места.

По свидетельству карело-финского эпоса, первыми исполнителями эпических песен были певцы-шаманы, подобные ВяйнемеЙнену. Имеются предположения, что шаманские черты присущи и легендарному Бояну «Слова о полку Игореве»³¹. Те же черты прослеживаются и в других видах русского традиционного фольклора, например в календарном фольклоре³². Вероятно, исполнители былин сохраняли память о магической функции старинного пения, связывающего их, подобно пению шаманов, с духами-покровителями и тем самым защищающего от духов враждебных. Последние становились особенно опасными на чужбине, вдали от родного селения. Показательны в этом отношении воспоминания Н. И. Гаген-Торн о разговоре с одним из местных жителей во время ее поездки по Русскому Северу:

— А песни у вас старинные есть?

— Песням как не быть, где люди, там и песни живут.

— Я приеду обязательно! Как вас зовут, дедушка?

— Морей Иванович, а прозвище Шангин. Песни лучше всех моя старуха знат. Она как заведет были-небывальщины — не переслушать! С Зимнего берега она, с Золотницы; там место певчее, поют постатейно и старину хранят. Я как на Новую Землю ходил, все с золотничанами, с женой родней зимовал. У них старик был — ну, старик! Его с собой для утех зимовать брали. Зверовать он стар, не неволят, а долю дают: старины сказывай, песни выпевай. Без этого на зимовке нельзя. Заскучает какой парень — тут цинга и привалится. Как она заманиват, знаете. Девушкой прикинется, в губы целовать начнет — лежи не вставай! А рот в крови. Сон нападат. Поддался парень — и сгинул. Тут надо: распотешил бы кто! Про то и держат сказителей!

— Вот так способ лечения цинги, — усмехнулась я.

— Ты, дочка, не зимовала, так не перечь! Человек без песни — что птица без крыльев... или уха без соли, — усмехнулся старик. — Где люди, там и песни...»³³.

Свидетельство Н. И. Гаген-Торн о том, что былинам придавалось не только апотропеическое, но и лечебное значение, лишний раз подтверждает мысль о магическом значении пения былин.

На особое отношение крестьян к сказителям, связанное с их верой в то, что сказывание былин способствует успеху промысла, обращали внимание первые собиратели былин, отмечавшие, что старинщики пользовались преимуществами в равноправной артели. «Старинщику, например, не поручают особенно трудную часть работы, и они делают в артели то, что, обыкновенно исполняли малолетние и подростки... пользующиеся, однако, совершенно одинаковым паем с остальными членами артели; при разделе добычи старинщику, особенно угодившему своими стараниями артели, возможно, что дается и до некоторой степени лучшая часть добычи»³⁴.

Кстати, свидетельства собирателей позволяют выделить два вида исполнения былин. При занятиях тяжелыми промыслами, зверобойным в частности, крестьяне нанимали певцов былин. Тогда как легкие ремесла, как уже говорилось, позволяли крестьянам самим петь былины.

Подобные свидетельства, на наш взгляд, позволяют заключить, что воздействие промыслов на сохранность былинной поэзии было не прямым, а опосредованным, через мировоззрение крестьян.

В свете всего сказанного становится понятным и тот факт, о котором говорилось в начале статьи, что фольклор лучше сохранялся колонистами, вынужденными по тем или иным причинам покинуть Родину.

Подводя итоги, можно с большой долей уверенности говорить, что промыслы играли определенную роль в сохранении эпической поэзии (что, в свою очередь, определяло картину географического распространения былин). Однако роль эта была второстепенной. Первостепенное значение в формировании былинного ареала на Севере связано, как об этом говорилось выше, с особенностями этнической истории края. Заселение Севера разными потоками славянской колонизации — новгородской и московской — сказалось не только на судьбах былинной поэзии, но и на многих областях материальной и духовной жизни Русского Севера. Об этом свидетельствуют материалы и исследования по археологии, этнографии и фольклору, появившиеся уже после выхода в свет рассматриваемой здесь книги³⁵. Однако это тема специального исследования.

Примечания

¹ Миллер В. Ф. Наблюдения над географическим распространением былин // Очерки русской словесности. Т. 1. М., 1897.

² Онежские былины // Летописи Государственного литературного музея. Т. XIII. М., 1948; Астахова А. М. Былины Севера. Т. 1. М.; Л., 1938. Т. II. М.; Л., 1951 и др.

³ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. 1. М., 1949. С. 34 (далее — Гильфердинг А. Ф. Указ. раб.).

⁴ Лобода А. М. Русский богатырский эпос. Киев, 1894. С. 102—103.

⁵ Миллер В. Ф. Указ. раб. С. 72.

⁶ Нечаев А. Н. Сказки М. М. Коргуева. Кн. 1. Петрозаводск, 1939. С XXX—XXXIX.

⁷ Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948. С. 31.

⁸ Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин (по материалам конца XIX — начала XX в.). М., 1975.

⁹ Подробнее об этом см. Дмитриева С. И. Указ. раб. С. 91—92.

¹⁰ Витов М. В. Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII—XVII веков). М., 1964.

¹¹ Миллер В. Ф. Указ. раб. С. 83.

¹² Иловайский Д. И. История России. Т. II. С. 465 (цит. по Миллеру В. Ф. Указ. раб. С. 73—74).

¹³ Богословский Н. Общий очерк жизни и характера жителей Новгородской губернии // Новгородский сборник. Вып. 1. Новгород, 1865. С. 1.

¹⁴ Зеленин Д. К. О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. М., 1954. № 6. С. 56.

¹⁵ Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972.

¹⁶ Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР. 1964. № 6. С. 101; Дмитриева С. И. Указ. раб. С. 39.

¹⁷ Садиков А. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 191—192.

¹⁸ Очерки по истории колонизации Севера. Вып. 1. ПТГ., 1922. С. 45, 46.

¹⁹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 103.

²⁰ Дмитриева С. И. Указ. раб. С. 45, 82—87.

²¹ Миллер В. Ф. Указ. раб. С. 81 и сл.

²² Соколов Б. М. О былинах, записанных в Саратовской губернии // Культура. Саратов, 1922. № 1. С. 15; Кошелев Я. Р. Вопросы русского фольклора Сибири. Томск, 1963. С. 67, 138.

²³ Кошелев Я. Р. Указ. раб. С. 19—43

²⁴ Соколов Б. М. Указ. раб. С. 15.

²⁵ Миллер В. Ф. Указ. раб. 78—96; Соколов Б. М. Указ. раб. и др.

²⁶ Миллер В. Ф. Указ. раб. С. 72.

²⁷ Витов М. В. Историко-культурные очерки Заонежья XVI—XVII веков. 1962. С. 95—96.

²⁸ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов // Восточнославянский этнографический сборник. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (далее — ТИЭ). Т. 31. М., 1956. С. 402.

²⁹ Гильфердинг А. Ф. Указ. раб.

³⁰ Гильфердинг А. Ф. Указ. раб. С. 44.

³¹ Мороз Е. Л. Следы шаманских представлений в эпической традиции Древней Руси // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 64.

³² Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. (Очерки по истории народных верований) // ТИЭ. Т. XL. М., 1957. С. 195 и др.

³³ Гаген-Торн Н. И. Путь к Северу // Полярный круг. М., 1986. С. 112.

³⁴ Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904. С. XXIII—XXIV.

³⁵ Подробнее об этом см. Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских европейского Севера. М, 1988. С. 188 сл.